

Светлана Куликова

Вечер, который всегда со мной

(из сборника «Жила-была женщина...», 2008 г.)

Венгрия в августе словно свежее испечённый блин - плоская, горячая, сытная.

Сверху - раскалённый диск солнца, под ним - очерченная полукругом горизонта «печка», на которой жарится наша делегация. Едем из Будапешта в Мишкольц. За окнами мелькают виноградники, фермы, многочисленные закусовые. Краски пейзажа: красные черепичные крыши, зелёные поля с жёлтыми, оранжевыми, лиловыми мазками зреющих плодов повторяются в блюдах придорожных ресторанчиков: помидоры, укроп, перец, баклажаны...

Вечер в Мишкольце хотели провести в гостинице между душем и кондиционером, но хозяйева дали лишь час на обустройство: «Сегодня местный праздник вина, все идём на площадь. Увидите наши танцы, попробуете настоящий «Токай». Отказываемся, ссылаясь на полное, совершенное, окончательное физическое бессилие. Бесполезно. «Причём тут силы, будем отдыхать!»

Живо вспомнилось, как отдыхают на российских площадях в часы народных гуляний. Удручающая тяжесть выпивки на жаре, вымороженное оживление ведущих: «А ну-ка дружно крикнем (прыгнем, встанем, запоём)!»... Ни за что не открою дверь на этот стук. Меня нет, меня в душе смыло...

Наш гид Аттила предложил простой и удобный план вечернего развлечения: он уходит договариваться об ужине, а мы самостоятельно празднуем по поводу венгерского вина на главной площади города. Вот эстрада — здесь поют и пляшут, вот скамейки для зрителей, вот бары с вином: сидите, ходите, смотрите, слушайте. Заблудиться невозможно — музыка далеко слышна. Не поймём ведущих? А кто это? А зачем? Веками венгры поют и танцуют в честь благородного напитка без подсказки со стороны и отлично знают, где место артиста, где зрителя и кому что надлежит делать.

Аттила исчез, оставив троих русских на маленькой площади.

По нашим понятиям массовым народным гулянием здесь и не пахло. О том, что предполагается какое-то действие, говорила лишь небольшая открытая со всех сторон сцена. Она благоухала свежим деревом, как и «зрительный зал»: несколько рядов наспех сооружённых скамеек.

Ни привычного многолюдья, ни организационной суеты, ни лотков с сувенирами и угощением. Где же праздник?

На сцену поднялись несколько мужчин в чёрных костюмах с музыкальными инструментами в руках. Встали с краю. Внизу, прямо под ними, танцоры — мальчики и девочки лет 14-16 в народных костюмах — спокойно ждали своего выхода. Зазвучали нестройные аккорды настройки, пауза, музыка...

Без объявления, без всеобщего сбора, без эффектности и страстности праздник начался. Некоторые, гуляющие по площади люди, сели на скамейки, заполнив зрительские места едва на треть.

Артистов такое невнимание совершенно не задело. Музыканты с улыбкой плавались в чёрных парадных одеждах под заходящим, но всё ещё горячим солнцем. Дети выписывали ногами рисунок танца по-крестьянски сосредоточенно, словно делали важное дело. Наверное, с такими же спокойными уверенными лицами их предки собирали виноград и творили знаменитый «Токай».

Не могу сказать, на какой минуте мы отчётливо поняли, что равнодушие людей к концерту кажущееся. Что все, абсолютно все, пришедшие в этот вечер на площадь, даже мы, не понимающие ни слова по-венгерски и не знающие ничего о сакральном смысле песен и танцев — соучастники действия. Все лица обрели схожие выражения: торжественные, освещенные внутренней радостью и уверенным спокойствием.

Мы отмечали все новые признаки соучастия, незаметно проникаясь общим настроением сдержанной праздничности, окутавшим площадь.

Сменилась мелодия. Приготовились к выступлению другие артисты, в других костюмах, и двое пожилых мужчин, казалось бы, даже не обращавших внимания на происходящее на сцене, попивавших пиво и тихо беседующих в «зрительном зале», расцвели улыбками и радостно устремились взглядами на танцоров. Их реплик мы, конечно, не понимали, но именно с такими лицами и жестами старики говорят: «Смотри, это моя внучка, та, что слева. Да... Помнишь, как мы с моей Анной танцевали так же, на этой же площади почти пятьдесят лет назад? А? Ты где тогда был? Вон что!»

Праздник — память, напоминание, воспоминание... О родине, родителях, родных... О труде, любви, о счастье жить в труде и с любовью...

Веками сложившийся ход чествования виноделов известен всем венграм, так или иначе связанным с виноградарством. Массовиков-затейников им не надо. Ну, а те, кто не в курсе, проникаются событием по методу «солёного огурца», попавшего в общую бочку с рассолом. Они постепенно, каким-то магическим образом не через голову, но через кожу, душу и сердце начинают постигать смысл собрания и ощущать единение собравшихся.

Постепенно и мы «просолились». Поняли, почему на площади нет дополнительных торговых лотков. На неё и на сходящиеся к ней улицы и так выходит много лавочек и баров. В них увеличили ассортимент, а там, где позволяла ширина тротуара, навесили тенты и добавили столики и прилавки - крошечные, но в большом количестве. Это во-первых, позволило не загромождать и не замусоривать площадь, а во-вторых, спасало торгующих от безжалостного солнца.

Не было ни конкурсов, ни навязчивых ведущих, ни свойственных русским гуляньям «массовых мероприятий».

Посетители баров через настежь открытые двери слышали музыку, а всё остальное — внутри каждого венгра с детства, потому причастность к празднику, чувственное его восприятие ничем не нарушались. Мы и не заметили, как ушло из наших душ раздражение, а из тел усталость, и пришло тихое праздничное настроение.

Желудок приятно отягощали вино и колбаски, а карманы — многочисленные сувениры. В голове непрерывно звучала незнакомая, но прекрасная музыка. Вдруг показалось: мы отлично понимаем венгерский язык. Показалось, что и наши предки на этой плоской жаркой печке под названием Венгрия растили из века в век виноград, делали отличное вино и на закате лета пели в его честь песни. Что в золотистом «Токае», который на прощание налила нам Барбара (на третьем витке вокруг площади мы уже знали по именам всех владельцев торговых точек, а они нас), были растворены не только жар неба и сок земли, но и грусть, и радость жизни человеческой...

Эстрада незаметно опустела. Музыканты сидели за соседним столиком и запивали вином глубокое удовлетворение от успешно выполненного дела.

Несмотря на невероятное количество питейных заведений, мы не встретили ни одного пьяного, шумного или агрессивно настроенного человека.

Это был самый благостный праздник из всех, когда-либо мною виденных. Более всего он походил на теплую встречу давних друзей-единомышленников, которым не нужно болтать языками, достаточно переглянуться, перемигнуться и всё станет понятно. Достаточно услышать мелодию, чтоб вспомнить песню, вошедшую в кровь с генами предков.

Гости, которых никто не напрягал ни на пение, ни на танцы, ни на игры или конкурсы, спокойно вращались внутри этого дружеского круга, напиваясь основательностью и доброжелательностью

Московский Салон Литераторов

ПРОЗА
Светлана Куликова

хозяев. Это было спокойное, почти нежное празднование. Кто из великих сказал: «Смех не всегда выражает веселье. Радости, порой, больше в улыбке»? Не помню.

Когда появился Атила, мы почти плакали от счастья, от переполнявшей нас гармонии, выпитой вместе с праздником по поводу солнечного венгерского вина Токай.